

Б.Я. Островский. Вопросы грамматической семантики глагола языка дари. М.: Гуманитарий, 2004. 380 с.

Язык дари, которому посвящена данная монография, входит в юго-западную группу иранских языков. Несмотря на то, что дари является одним из двух основных языков Афганистана, на данный момент он довольно плохо изучен. Существует несколько грамматик и грамматических очерков языка дари (наиболее известными являются [Киселева 1985] и [Фар-

хади 1974]), небольшой дари-русский словарь Л.Н. Киселевой и В.И. Миколайчика [1978], несколько специальных словарей (например [Силкин 1981]) и ограниченное количество исследований по отдельным вопросам грамматики.

Автор рецензируемой книги является на сегодняшний день одним из виднейших иранис-

тов в России, занимающихся языком дари. Б.Я. Островский имеет более 20 публикаций, посвященных дари, является автором, пожалуй, единственного учебника данного языка. В книге обобщен 20-летний опыт изучения Б.Я. Островским глагольной системы дари. Автор признает, что за такой длительный срок его точки зрения на глагольную систему данного языка менялись, поэтому все расхождения между прежними публикациями Б.Я. Островского следует решать в пользу рецензируемой книги.

Книга состоит из введения, 18 глав, заключения и двух приложений с иллюстративным материалом. Автор ориентируется на описание глагольной системы “от значения к форме”. В начале выделяются “базовые элементы значений личных глагольных форм” – базовые события и базовые участники. Базовые события разделяются на сообщаемое событие, действие, ориентир и сообщение о событии. Базовыми участниками могут быть субъект, объект и косвенный участник. Собственно глагольные категории делятся на “десигнаторы” и “коннекторы” (терминология в основном заимствована автором из известной работы [Якобсон 1972: 99]): под десигнаторами подразумеваются категории, которые характеризуют какой-то один базовый элемент, под коннекторами – категории, которые характеризуют соотношение разных базовых событий или разных участников. Далее проводится еще более дробное разбиение десигнаторов по составу (число ситуаций и число участников, образующих данное событие), форме (способ развертывания базового события во времени и статус участника в социуме), масштабу (степень значимости соответствующего базового элемента), полярности (утверждается событие или отрицается) и модальности (отношение базового элемента к действительности с позиции одного из участников сообщения). Коннекторы делятся по временному соотношению базовых событий: они могут быть одновременными (например, ориентир и сообщение одновременны), могут предшествовать друг другу (например, ориентир предшествует сообщению) и следовать один за другим (например, ориентир следует за сообщением); а также по ролевому соотношению, на основе которого выделяются категории залога, лица и эвиденциальности.

Исходя из приведенной классификации, у автора получается 21 глагольная категория и 49 граммем (из которых 21 немаркированная). Далее понятийный аппарат автора еще больше усложняется введением и классификацией “прямо-модальных значений событийных форм”, под которыми подразумеваются “такие событийные значения, каждое из которых со-

держит маркированную модальную граммему ‘real-E’ (реальное событие) и не содержит ни одной из прочих маркированных модальных граммем” (с. 87). Под прочими маркированными модальными граммемами имеются в виду ‘неопределенное событие’, ‘допускаемое событие’, ‘желаемое событие’, ‘предполагаемое событие’, ‘допускаемое действие’, ‘негативное действие’ и ‘негативное событие’.

Вся остальная часть книги (начиная с пятой главы) посвящена рассмотрению маркированных в дари ‘прямо-модальных значений’, а также нескольких граммем, не входящих в ‘прямо-модальные значения’ (‘компактное сообщение’, ‘глобальное событие’, ‘глобальное действие’, ‘глобальное сообщение’). Описание построено в направлении от значений (базовых элементов, их соотношения и “прямо-модальных схем”) к формам (выражению данных значений в глагольной системе дари).

С нашей точки зрения, наиболее уязвимым местом этой работы является известная нечеткость определений базовых элементов (например, из текста остается неясным, каким образом противопоставлены термины “событие” и “действие”), а также самих “прямо-модальных значений”, на основе которых строится дальнейшее описание. Кроме того, изложение во многих местах в полном смысле слова перегружено сложными малоизвестными терминами и большим количеством авторских сокращений. Похоже, и автор отдает себе отчет в том, что его книга – не самое легкое чтение даже для специалистов: “поскольку предпринимаемое нами описание задумано как теоретическое, мы предполагаем, что его сложность – необходимая (и не слишком высокая) цена, которую приходится платить за его относительную полноту” (с. 81).

Точка зрения автора на тот или иной вопрос часто не совпадает с традиционно принятой в иранистике, причем не во всех случаях решение, предлагаемое Б.Я. Островским, можно признать более удачным. Например, Б.Я. Островский считает, что глагол-связка (*ast* ‘он есть’, (*h*)*ast* ‘ты есть’ и т.д.) входит в парадигму глагола *budan* ‘быть’ наравне с презенсом данного глагола, *mēbāšad* ‘он есть’, *mēbāši* ‘ты есть’ (с. 17, 124–127). Но из-за этого автору приходится говорить о существовании “трехосновных глаголов” (которых, собственно, всего три – *budan*₁, *budan*₂ и *daštan*): у этих глаголов Б.Я. Островский, наряду с традиционными исходными и претеритальными основами, выделяет “презентную основу” (с. 42–43).

Наиболее ценными в книге, на наш взгляд, являются замечания по поводу значения и употребления различных видо-временных форм, имеющиеся практически в каждой главе. В

рамках этих рассуждений рассматриваются основные точки зрения разных исследователей по тому или иному вопросу, делаются краткие экскурсы в близкородственные дари персидский и таджикский языки, предлагается новая трактовка многих особенностей глагольной системы дари.

В шестой главе решается вопрос о различии форм претерита (*raft* 'ушел') и таких же форм с префиксом *be-* (*beraft*). Б.Я. Островский приходит к выводу, что форма с префиксом *be-* не может употребляться в глагольных компонентах "двучленных сложных глаголов"¹, не может быть образована от глаголов со "словообразующими префиксами" (например, *bar-xāst* 'встал', где *bar-* префикс) и с префиксом отрицания. Употребление же префикса *be-* с формой претерита встречается только в литературном стиле и, по словам автора, продиктовано стремлением архаизировать текст. В шестой главе также рассматривается особая инхоативная конструкция, состоящая из глагола *gereftan* (как правило, в третьем лице единственного числа) и инфинитива знаменательного глагола (показатель *-an*), например, *zadan gereft* 'начал бить'.

В седьмой главе можно найти замечания о сферах употребления форм претерита и имперфекта. Из довольно подробного рассмотрения автором взглядов своих предшественников можно сделать вывод, что Б.Я. Островский связывает различия в употреблении претерита и имперфекта с двумя параметрами классификации действий, введенными в свое время для описания соответствующих глагольных форм языка дари В.И. Миколайчиком [Миколайчик 1977]: это противопоставление так называемых "курсивных" и "акурсивных" действий. Под "курсивным" подразумевается действие, протекающее "без указания на непременно достижение той точки, где действие представляется исчерпавшим себя"; с другой стороны, "акурсивное действие совершается до некоего предела, или точки, где оно предстает в своем результате". "Курсивные" действия, в свою очередь, могут быть "терминативными" и "атерминативными". "Терминативным" называется "процессное действие с ограниченной продолжительностью"; "атерминативным" – "процессное действие без какого-либо указания на его прекращение". Претерит передает "акурсивные" действия. Имперфект – "курсив-

ные атерминативные" действия². "Курсивные терминативные" действия могут передаваться либо претеритом, либо имперфектом: по словам автора, та или иная форма выбирается, исходя из контекста, в котором действие представляется либо как "исчерпанное" (тогда выбирается форма претерита)³, либо "не как исчерпанное" (тогда выбирается форма имперфекта). В минимальных контекстах, где может употребляться и форма претерита, и форма имперфекта (типа *Nabi xandid* 'Наби усмехнулся/засмеялся/посмеялся'; *Nabi mixandid* 'Наби смеялся') выбор той или иной формы "определяется не объективными свойствами упоминаемых действий, а теми характеристиками событий... которыми наделяет их, исходя из своих собственных целей, отправитель сообщения" (с. 138).

В восьмой главе приводятся замечания о "длительном перфекте" (такое название выбрано, видимо, из-за того, что данная форма состоит из перфекта и префикса *mē-*, который обычно образует имперфект, например, *mē-zada ast* 'он бил'). Автор усматривает у данной формы эвиденциальное значение и далее называет эту форму "эвиденциальный имперфект".

² Б.Я. Островский указывает, что в более поздней работе В.И. Миколайчика [Миколайчик 2002] термины "курсивность – акурсивность" заменены на "процессность – непроцессность", а термины "терминативность – атерминативность" на "предельность – непредельность". Действительно, в современных работах по аспектуальной типологии "курсивным действиям" В.И. Миколайчика и Б.Я. Островского обычно соответствует термин "непредельные процессы", "акурсивным действиям" – "предельные процессы". Более распространенным терминологическим эквивалентом "терминативности" является, по-видимому, "лимитативность" (или просто "ограниченность во времени"). Неочевидно, однако, что различие между претеритом и имперфектом дари действительно так уж тесно связано с предельностью глагола; об этом свидетельствуют и многие примеры, приводимые самим Б.Я. Островским.

³ Не вполне ясно, как это сочетается с данным выше определением "курсивных действий" как не содержащих указания на "исчерпанность". Приведенный фрагмент хорошо иллюстрирует особенности авторского анализа, в котором нередко описание аспектуальной семантики подменяется простым введением терминологического ярлыка – либо семантически непрозрачного ("курсивность", "терминативность"), либо расплывчато-метафорического ("исчерпанность").

¹ Так в иранистике принято называть единицы, состоящие в большинстве случаев из имени, неотделимого от глагола, и собственно глагола – например, *boland šodan* 'вставать' (букв. 'высокий делаться').

В девятой главе мы находим замечания об идентификации форм перфекта и плюсквамперфекта. Перфект состоит из причастия прошедшего времени и спрягаемого глагола-связки, плюсквамперфект – из причастия прошедшего времени и спрягаемого вспомогательного глагола *budan* ‘быть’ в форме претерита. В некоторых случаях глагол-связка у перфекта и вспомогательный глагол у плюсквамперфекта могут опускаться – и внешне формы перфекта и плюсквамперфекта становятся таким образом неотличимы. В этой же главе находим замечания о “глаголах состояния”, которые могут обозначать состояние или действие (*nešāstan* ‘сидеть’, ‘сидиться’). Традиционно считается, что у данных глаголов состояние в настоящем передается формой перфекта, состояние в прошлом – плюсквамперфектом; действие же передается другими видо-временными формами. Б.Я. Островский приводит как примеры, в которых “глаголы состояния” в формах, отличных от перфекта и плюсквамперфекта, передают состояние, так и примеры, в которых действие передается формами перфекта и плюсквамперфекта. Автор также значительно расширяет список “глаголов состояния”.

В десятой главе имеются замечания о форме презенс-футурума глагола *dāštan* ‘иметь’, состоящей из префикса *mē-*, причастия прошедшего времени данного глагола *-dāšta-* и “исходной основы” глагола *budan* ‘быть’, к которой присоединяется личное окончание (*mē-dāšta-bāš-ad* // *dāšta-mē-bāš-ad*). Данные формы не имеют аналогов ни в персидском, ни в таджикском языках. Предшественники Б.Я. Островского или вообще не отмечали таких форм в языке дари, или рассматривали только первый вариант (*mē-dāšta-bāš-ad*). Автор, исходя из имеющегося в его распоряжении языкового материала, считает, что подобные формы возможны только у глагола *dāštan* ‘иметь’. Б.Я. Островский цитирует примеры В.И. Миколайчика, в которых глаголы, отличные от *dāštan*, имеют рассматриваемую форму (например, *mē-āmuxta bāš-and*, где в данной форме представлен глагол *āmuxtān* ‘учить’). Б.Я. Островский пишет, что в примерах, приводимых В.И. Миколайчиком, такие формы, как *mē-āmuxta-bāš-and*, “по своей семантике совершенно идентичны словоформам *āmuxta mē-bāš-and* ... но не имеют ничего общего с *mēdāštabāšad*” (с. 185). Итак, следует признать неточным утверждение автора о том, что подобные формы отсутствуют у других глаголов. Что касается семантики форм *mē-dāšta-bāš-ad* // *dāšta-mē-bāš-ad*, то, по словам автора, они передают у “сильных глаголов” “многочисленное событие в настоящем”. Исходя из при-

веденных примеров с другими глаголами в рассматриваемой форме, можно заключить, что они действительно не могут передавать “многократное событие” и этим отличаются от идентичных форм с глаголом *dāštan*. Форма *dāšta-mē-bāš-ad* употребляется значительно реже формы *mē-dāšta-bāš-ad*, однако в семантическом плане данные формы трактуются Б.Я. Островским как идентичные.

В той же главе находим замечания о выражении множественности ситуаций в прошлом. Б.Я. Островский перечисляет различные способы выражения множественных ситуаций в прошлом и отдельно останавливается на разграничении сфер употребления претерита и имперфекта для передачи множественных ситуаций в прошлом. В десятой главе также имеются замечания об “итеративном перфекте” (*zada mē-bāš-ad*) и “итеративном плюсквамперфекте” (*zada mē-bud*). “Итеративный перфект”, по словам автора, передает “многократное целостное событие, предшествующее определенным моментам в настоящем” и “многократное событие-процесс в настоящем как результат предыдущего действия”. “Итеративный плюсквамперфект” передает “многократное событие-процесс в прошлом как результат предыдущего действия”. Следует заметить, однако, что во всех указанных автором случаях употребления “итеративного перфекта” и “итеративного плюсквамперфекта” могут также употребляться простой перфект и плюсквамперфект соответственно. Б.Я. Островский, к сожалению, не поясняет, в чем отличие в употреблении “итеративных” и “простых” форм (правда, в следующей главе автор пишет, что “итеративный перфект” может выражать “целостное событие, предшествующее определенному моменту в будущем” и “событие-процесс в будущем как результат предварительного действия”, которые, кроме данной формы, может выражать только перфект футурума).

В одиннадцатой главе находим замечания о форме футурума, состоящей из презентной основы вспомогательного глагола *xāstan* (*xāh-*) и знаменательного глагола в форме усеченного инфинитива (без суффикса *-an*). Данная форма по-разному выглядит в литературном, “промежуточном” и разговорном стиле. В литературном стиле личные окончания присоединяются к презентной основе глагола *xāstan*; в промежуточном стиле личные окончания присоединяются к знаменательному глаголу, при этом вспомогательный глагол приобретает форму *xāhad*; в разговорном стиле личные окончания тоже присоединяются к знаменательному глаголу, при этом глагол *xāstan* приобретает форму *xāi* и, по словам Б.Я. Островского, стано-

вится префиксом знаменательного глагола. В содержательном плане данные формы тоже не всегда тождественны. В той же главе имеются замечания о форме перфекта футурума, состоящей из причастия прошедшего времени знаменательного глагола, образующего перфект, презентной основы вспомогательного глагола *xāstan* (*xāh-*), образующего футурум, и претеритальной основы вспомогательного глагола *budan* (*bud*) (*zada xāh-i bud*). У данной формы, как и у формы футурума, имеются варианты в зависимости от стиля. Она передает значение “целостного события, предшествующего определенному моменту в будущем” и “события-процесса в будущем как результата предварительного действия”. Форма перфекта футурума может также выражать значение предполагаемого события в прошлом.

В следующей главе речь идет об эвиденциальности, которая в дари выражается перфектом или “детемпорализацией” (имеется в виду “отмена выражения категории времени”, т.е. употребление, например, формы презенса там, где без эвиденциальности должна быть форма претерита). В этой же главе рассматриваются различные “перфектные формы” (собственно перфект *zada ast*; “эвиденциальный имперфект” *mē-zada ast*; плюсквамперфект *zada bud*). Имеются довольно подробные экскурсы в персидский и таджикский языки, посвященные выражению эвиденциальности данными формами.

Предметом пятнадцатой главы является так называемое “глобальное событие”; к сожалению, это один из самых неясных терминов всей монографии, и ни определение “глобального события”, ни дальнейшее изложение не вполне способствуют пониманию того, что имел в виду автор.

В следующей главе описывается “категория абруптивности”. Под данной категорией Б.Я. Островский по сути подразумевает то, что в русистике называют “ближним будущим”, “неизбежным будущим” [Гловинская 1989: 93–96] (например, *мы погибли, я пошел*). В дари данная категория, как и в русском, выражается претеритом и, как утверждает автор, в отличие от русского не имеет каких-либо лексических ограничений, за исключением, пожалуй, только глаголов *budan* ‘быть’ и *dāštan* ‘иметь’.

В семнадцатой главе идет речь о настоящем гномическом времени (см. [Мельчук 1998: 66–67]), которое Б.Я. Островский называет “глобальным сообщением”. Граммема “глобального сообщения” выражается отсутствием префикса *mē-* у формы презенса. По словам автора, “часто встречаются случаи, где, исходя из общего смысла, глобальность сообщения могла бы получить внешнее выражение, однако

его не получает... а, следовательно, и граммема... отсутствует” (с. 305). Как можно видеть, приведенная формулировка оставляет непроясненным критерий выделения данной граммемы в дари.

В последней главе имеются интересные замечания о дуративных конструкциях, образуемых в дари с помощью вспомогательного глагола *raftan* ‘идти’ в различных видо-временных формах. Правда, остается неясным, в чем отличие дуративной формы претерита от дуративной формы имперфекта.

Книга завершается богатым иллюстративным разделом. Однако, к сожалению, глоссирование примеров отсутствует, и полноценно воспользоваться собранными автором примерами смогут, пожалуй, только профессиональные иранисты.

В целом можно сказать, что монография Б.Я. Островского, несмотря на некоторые сильно затрудняющие ее чтение особенности изложения и недостатки терминологического аппарата, значительно расширяет представление о глагольной системе языка дари. Автором предпринята первая попытка описания глагольной системы данного языка с опорой на типологические исследования. Уточнены сферы употребления ряда глагольных форм. Выделена новая форма презенс-футурума глагола *dāštan* – *dāšta-mē-bāš-ad*. Существенны и такие наблюдения автора, как понижение статуса вспомогательного глагола *xāstan* в разговорном стиле до префикса *xāh-*, выражение эвиденциальности с помощью “детемпорализации”, выделенная им “категория абруптивности”, а также попытка объяснения форм презенса без префикса *mē-* с помощью категории “гномического времени”. Книга заслуживает внимания как иранистов, так и типологов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гловинская 1989 – М.Я. Гловинская. Семантика, прагматика и стилистика видо-временных форм // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект: Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика. М., 1989.
- Киселева 1985 – Л.Н. Киселева. Язык дари Афганистана. М., 1985.
- Киселева, Миколайчик 1978 – Л.Н. Киселева, В.И. Миколайчик. Дари-русский словарь. М., 1978.
- Мельчук 1998 – И.А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. II. Москва; Вена, 1998.
- Миколайчик 1977 – В.И. Миколайчик. Опыт анализа оппозиции “имперфект” – “претерит” в языке дари // Языки Зарубежного Востока. М., 1977.

Миколайчик 2002 – *В.И. Миколайчик. Функционально-семантические категории аспектуальности и темпоральности в языке дари. М., 2002.*

Силкин 1981 – *М.Ф. Силкин. Русско-дари военный и технический словарь. М., 1981.*

Фархади 1974 – *Р. Фархади. Разговорный фарси в Афганистане. М., 1974.*

Якобсон 1972 – *Р.О. Якобсон. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.*

А.П. Выдрин